
БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАННА
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ЛЕНИНГРАД
ЛЕНИНГРАД
1952

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПИСАТЕЛЬ
советский
писатель

И. А. ГРИБОЕДОВА

I

Не князь, красавец молодой,
Внук иверских царей,
Был сокровенною мечтой
Ее цветущих дней.
Не вождь грузинских удалцов —
Гроза соседних гор —
Признаьем вынудил ее
Потупить ясный взор.
Не там, где слышат валуны
Плеск Алазанских струй,¹
Впервые прозвучал ее
Заветный поцелуй.
Нет, зацвела ее любовь
И расцвела печаль
В том жарком городе, где нам
Прошедшего не жаль...
Где грезится сааидарам
Святая старина,
Где часто музыка слышна
И веют знамена.

¹ Алазань — река в Кахетии.

В Тифлисе я ее встречал...
 Вникал в ее черты:
 То — тень весны была, в тени
 Осенней красоты.
 Не весела и не грустна, —
 Где б ни была она,
 Повсюду на ее лице
 Царила тишина.
 Ни пышный блеск, ни резвый шум
 Полуночных балов,
 Ни барабанный бой, ни вой
 Охотничьих рогов,
 Ни смех пустой, ни приговор
 Коварной клеветы, —
 Ничто не возмущало в ней
 Таинственной мечты;
 Как будто слава, отражаясь
 На ней своим лучом,
 В ней берегла покой души
 И грезы о былом,
 Или о том, кто, силу зла
 Изведав, завещал
 Ей всепрощающую скорбь
 И веру в идеал...

Я помню час, когда вдали
 Вершин седые льды
 Румянцем вспыхнули и тень
 С холмов сошла в сады,

Когда Метех¹ с своей скалой
 Стоял как бы в дыму
 И уходил сионский крест²
 В ночную полутьму.
 Она сидела на крыльце
 С поникшей головой,
 И, помню, кроткий взор ее
 Увлажен был слезой.
 О незабвенной старине
 Намек нескромный мой
 Смущил ее больной души
 Таинственный покой.
 И мне казалось, в этот миг
 Я у нее в глазах
 Прочел ту повесть — что прошла
 Тайком в ее мечтах:

.

«Он русским послан был царем,
 В Иран держал свой путь
 И на пути заехал к нам
 Душою отдохнуть.
 Желанный гость — он принят был
 Как друг моим отцом;

¹ Замок и острог в Тифлисе.

² Крест Сионского собора, самой большой церкви в Тифлисе.

Не в первый раз входил он к нам
В гостеприимный дом;
Но не был весел он в тени
Развесистых чинар,
Где на коврах не раз нам пел
Заезжий сазандар;
Где наше пенилось вино,
Дымился наш кальян,
И улыбалась жизнь гостям
Сквозь радужный туман;
И был задумчив он, когда,
Как бы сквозь тихий сон,
Пронизывался лунный свет
На темный наш балкон;
Его горячая душа,
Его могучий ум
Влачили всюду за собой
Груз неотвязных дум.
Напрасно Север ледяной
Рукоплескал ему,
Он там оставил за собой
Бездушную зиму;
Он там холодные сердца
Оставил за собой,
Лишь я одна могла ему
Откликнуться душой...
Он так давно меня любил,
И так был рад, так рад,
Когда вдруг понял, отчего
Туманится мой взгляд...

И скоро перед алтарем
Мы с ним навек сошлись...
Казалось, праздновал весь мир
И ликовал Тифлис.
Всю ночь к нам с ветром долетал
Зурны тягучий звук,
И мерный бубна стук, и гул
От хлопающих рук,
И не хотели погасать
Далекие огни,
Когда, лампаду засветив,
Остались мы одни,
И не хотела ночь унять
Далекой пляски шум,
Когда с души его больной
Скатилось бремя дум,
Чтоб не предвидел он конца
Своих блаженных дней
При виде брачного кольца
И ласковых очей.

Но час настал: посол царя
Умчался в Тегеран.
Прощай, любви моей заря!
Пал на сердце туман...
Как в темноте рассвета ждут,
Чтоб страхи разогнать,

Так я ждала его, ждала, —
Не уставала ждать...
Еще мой верующий ум
Был грезами повит,
Как вдруг... вдруг грянула молва,
Что он убит... убит!...
Что он из плена бедных жен
Хотел мужьям вернуть,
Что с изуверами в бою
Он пал, пронзенный в грудь.
Что труп его — кровавый труп —
Поруган был толпой
И что скрипучая арба
Возет его домой.¹
Все эти вести в сердце мне
Со всех сторон неслись...
Но не скрипучая арба
Ввезла его в Тифлис, —
Нет, осторожно между гор,
Ущелий и стремнин
Шесть траурных коней везли
Парадный балдахин;
Сопровождали гроб его
Лавровые венки,
И пушки жерлами назад,
И пики, и штыки;
Дымилась факелы, и гул
Колес был эхом гор,
И память вечную о нем
Пел многолюдный хор...

¹ Записки А. С. Пушкина, т. 5, стр. 76. Изд. Анненкова.

И я пошла его встречать,
И весь Тифлис со мной
К заставе эриванской шел
Растроганной толпой.
На кровлях плакали, когда
Без чувств упала я...
О, для чего пережила
Его любовь моя!

7

И положила я его
На той скале, где спит
Семья гробниц и где святой
Давид их сторожит;
Где раньше, чем заглянет к нам
В окошки алый свет,
Заря под своды алтаря
Шлет пламенный привет;
На той скале, где в бурный час
Зимой, издалека
Причалив, плачут по весне
Ночные облака;
Куда весной, по четвергам,
Бредут на ранний звон,
Тропинкой каменной, в чадрах,
Толпы грузинских жен.
Бредут, нередко в страшный зной,
Одни — просить детей,
Другие — воротить мольбой
Простывших к ним мужей...

Там, в темном гроте, — мавзолей,
И — скромный дар вдовы —
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума».

30 января 1879